

Первая мировая война в творческой судьбе И.С. Соколова-Микитова

Ключевые слова: *И. Соколов-Микитов, Первая мировая война, авторское восприятие, творчество, «окопная правда», микротемы.*

В статье на материале художественной, мемуарной и эпистолярной прозы И. Соколова-Микитова рассматривается авторское восприятие Первой мировой войны (1914–1918). Выявлены факты биографии, получившие художественное воплощение в творчестве писателя. Определен круг микротем: события глазами военного санитаря, будни военной авиации, дети и война, проблемы тыла, поведение человека на фронте и др. По мнению автора статьи, написанное Соколовым-Микитовым созвучно «окопной правде», получившей распространение в литературе о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

«Первая мировая война, потрясшая устои старого мира, стала третьим жизненным испытанием»¹ [Соколов-Микитов, 137], – признавался И.С. Соколов-Микитов. Однако эта страница творческого пути писателя остается малоизученной. Показательно, что в докторской диссертации об отражении темы войны в литературе 1914–1918 годов имя писателя даже не упомянуто [Иванов].

О начале войны на тот момент матрос торгово-пассажирского парохода «Королева Ольга» И. Соколов узнал в Греции. 1 августа 1914 года корабль вернулся на родину. Проведя около трех месяцев на родной Смоленщине, Соколов в ноябре едет в Москву, чтобы продолжить образование (некоторое время посещает Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского, в который принимали без экзаменов).

В конце февраля 1915 приезжает в Петроград, останавливается «в меблированных комнатах Пименова» на Пушкинской улице. Его соседом оказался Александр Грин. Позднее в посвященном писателю-романтику очерке «Человек из Зурбагана» об этом времени Соколов-Микитов расскажет: «война в Петрограде чувствовалась больше и больше. С фронта доходили недобрые вести о нехватке снарядов, об ошибках командования, об измене. На Варшавский вокзал каждый день прибывали эшелоны раненых» (178). Далее в воспоминаниях он укажет и на другие приметы военного положения в столице: открывающиеся лазареты и появление «новоиспеченных прапорщиков в золотых погонах» (178). Соколов понимал, что в лихолетье оставаться в стороне, не сможет. Посоветовавшись со старшим другом – писателем А.М. Ремизовым, принимает решение получить полезную для фронта специальность медбрата. Санитарные курсы Всероссийского земского

¹ В дальнейшем ссылки на данное издание будут приводиться в тексте в круглых скобках с указанием страницы.

союза давали такую возможность: «Теперь я у дела, помогаю раненым. Сначала боялся, что раны и страдания испугают меня, но вышло иначе и работы я не брошу» (260). Надолго запомнилось ему дежурство в «пасхальную весеннюю ночь»: «Я впервые присутствовал при серьезной операции, видел, как разрезали хирургическим ножом человеческое тело, как маленькими металлическими щипцами хирург зажимает разрезанные кровоточащие сосуды и стягивает их шелковой ниткой» (178). Затем сидел возле бойца с «детскими, пухлыми побледневшими губами»; «Слабым голосом солдатик попросил закурить. Я сбегал куда-то вниз, достал папиросу. Солдатик два раза слабо затянулся, вздохнул и скончался у меня на руках» (178), – так запечатлел будущий писатель свою первую встречу со смертью.

После учебы Соколов получает направление в санитарно-транспортный отряд и оказывается в действующей армии на Северо-Западном фронте (в районе Двинска). Затем его перебрасывают в Киев на заведывание хозяйственным отделением Земского союза (после 8 августа 1915). А в конце ноября он уже служит в Ровно ответственным за сантранспорт. Чертков (округ в Галиции) стал последним местом службы Соколова в означенной должности (начальника передового санитарного транспорта 9-й кавалерийской дивизии). Таковы скудные факты из хроники жизни писателя военной поры. Подробности нам неизвестны. Лишь письма к А. Ремизову проясняют некоторые возникающие вопросы. Один из них – почему Соколов на фронте оказался на должностях административных, а не трудился медбратом? Ответ находим в одном из посланий: «На войну не пошел <...> потому, что пришлось слово дать, что под пули не пойду» (264). Такое обещание о самобережении, по-видимому, писатель дал матери, «самозабвенно» любившей своего единственного сына. Однако учитывая положение на фронте, гарантировать дальнейшую «неприкосновенность» было невозможно; Соколов мог в любой момент быть призван «на действительную службу». Он морально готов был к такому повороту в своей жизни: «Бояться не боюсь – пойду. Всем, может быть, пойти придется. Конца-то не видно» (265). (Полностью избежать встречи с войной «лицом к лицу» писателю было не суждено, что следует из его очерков).

Все виденное и испытанное в эти месяцы составляло не только новый жизненный опыт, но и пополняло писательскую «копилку» впечатлений: «Я узнал, что в близком тылу хуже, чем в окопах, – люди хуже. Об войне писать не могу. Нужно мне большой навык иметь – записывать – или нахрапство. Очень уж люди там необыкновенные. Даром, конечно, виденное не пропадает, душа все впитывает, и тогда, после войны, если силы хватит, буду рассказывать, а теперь не могу, даже письма подробного не могу написать» (265). Однако спустя некоторое время (в письме Ремизову из Ровно от 2 декабря 1915) автор признался, что все же «кое-что написал» о войне, приложив готовую «корреспонденцию».

Военная «малая проза» Соколова-Микитова по цензурным соображениям не сразу была напечатана. Первые рассказы «С носилками», «Здесь и там», «Жуть» опубликовал петербургский «Ежемесячный журнал литературы, науки

и общественной жизни», издаваемый В.С. Миролубовым (1916. № 4). Вероятнее всего, смоленскому писателю помогло то, что в журнале печатался Ремизов, а также действовала постоянная рубрика «Война (рассказы волонтеров, свидетелей и очевидцев Первой мировой войны)». Известно, что по отношению к данной войне писателей в свое время поделили на ура-патриотов, милитаристов, пораженцев, пацифистов, оборонцев и др. (подробнее см. [Иванов]). К какому же лагерю принадлежал Соколов-Микитов? Однозначно, что не к первому. Об этом можно судить по следующим ироничным словам автора: «Ура-патриотические статьи печатались во всех газетах, особенно усердствовало суворинское “Новое время”» (179). На фронте писатель смог лично убедиться в том, как далеки были от реальности эти «шапкозакидательные» статьи.

Его собственные публикации о Первой мировой ближе, на наш взгляд, к *«окопной правде»* – яркому явлению в литературе, получившему распространение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Например, рассказ «С носилками» открывается характерной сценой обстрела германцами наших «измученных бессонных» солдат, «бездумно и твердо сидевших в засыпанных окопах, без хлеба, <...> и почти без патронов» (7). Установка на реалистичность изображения соблюдена во всех произведениях цикла: когда автор открыто пишет о нехватке снарядов, о раненых, по пять суток лежащих на поле; об обезлюдевшей деревне, «позорном раскисляйстве», а также о том, что «Россия страдает от воровства» (14).

Рассказ «Жуть» можно назвать самым трагичным во всем цикле. Его начальные строки рисуют картину бесовской свадьбы. Весь текст пронизывает лейтмотив «чертова погода». В сцене посещения рассказчиком темной и холодной «халупы» развитие темы разгула злых сил достигает кульминации, ибо в этом страшном мире обитают сироты – двое маленьких братьев (отец воюет, а мать умерла). «Мальчик дрожал. И стало мне так, точно от покойника. Ходят по этой халупе, скользят... Или черти, беспалые, безногие, крутили над ребятишками, грозя, улюлюкали? <...> Что передумали, и какие сказки рассказывает им эта жуть? А жутче и самой жуткой сказки их своя жизнь» (17). Так появляется в творчестве писателя-гуманиста традиционный для русской литературы образ *ребенка*, страданиями которого поверяются войны и революции. Эта тема найдет продолжение и в другой публикации Соколова-Микитова – «Кукушкины дети» (1916), напечатанной в литературно-художественном сборнике «Пряник». Он был выпущен в помощь осиротевшим детям А.Д. Барановской.

Автобиографичность является неотъемлемой чертой военных рассказов Соколова-Микитова. «Я лег головой на выстрелы, стараясь до минимума сократить угрожаемую площадь тела. Боясь повернуться, пополз ногами вперед, надеясь найти прикрытие – межу, кочку или камень. Задралась к подбородку гимнастерка, стучало сердце – это я помню» (8), – в таком ключе переданы авторские ощущения во время атаки.

Рассказ «Здесь и там» запечатлел три поездки писателя на родную Смоленщину, в ее «медвежий угол». Встречи с земляками позволили

зафиксировать перемены в настроении крестьян в ходе войны: от начального «бодрого» и «уверенного» – к «молчаливому» и «недоверчивому», а пришли к «теперешнему» (13).

Подбор эпитетов и сравнений (это излюбленные изобразительно-выразительные средства писателя) также способствует передаче лично пережитого. Например, центральное в цикле слово «война» не единожды сопровождается определением «железная» («Здесь и там», «Затишье перед бурей»).

Ожидаемо преобладает темный колорит (исключение – рассказ «С носилками», в котором сцена обстрела и атаки сопоставима с «широким красным пожаром»).

Среди проблем, особенно волновавших писателя в это время, – вопрос о русской ментальности. Иллюстрирует сказанное рассказ «Здесь и там», в котором сформулированы черты, присущие «русской натуре»: «говорить бог знает что, но быть твердым на деле», «тысячу раз отказываться на словах от дела, ругать дело и проклинать, но в то же время вести его до конца неуступчиво, несмотря на беды и несчастья» (13). (В написанной в 1927 году повести «Чижикова лавра», основанной на личном опыте невольного эмигранта 20-х годов, Соколов-Микитов продолжит размышления на волнующую его тему, которая с особой остротой проявилась на чужбине).

Вадим Чернышев, биограф писателя, назвал истинную причину увольнения Соколова из армии, произошедшего в Черткове. На его глазах во время обеда жестоко унизили солдата-дневального: офицер-поляк швырнул в него за какую-то незначущую провинность тарелку с горячим супом. Соколов вступился за простого солдата, ударив офицера в ответ. В тех условиях все могло закончиться военно-полевым судом. Однако высшее руководство предпочло замять дело. Генерал Родзянко, командир дивизии и сын известного председателя Государственной Думы, не желая огласки, «приказал Соколову немедленно убираться» [Чернышев, 43]. Не исключено, что армейское руководство опасалось взрыва недовольства солдатской массы, в которой уже зрели революционные настроения, поэтому избавилось от виновника без лишнего шума.

Уволенный из армии Соколов возвращается в Петроград. Разыскал своего бывшего преподавателя физкультуры из смоленского Александровского реального училища, а ныне пионера русской авиации Г.В. Алехновича. По его протекции (еще будучи реалистом в Смоленске, Соколов увлекся воздухоплаванием) устроился на курсы авиамотористов (апрель-май 1916). По их окончании получил назначение в эскадру воздушных кораблей на северо-западный фронт, летал на знаменитом бомбардировщике «Илья Муромец – 5».

1916-й год обозначил новый виток и в творчестве Соколова-Микитова: в газете «Биржевые ведомости» выходят рассказ «Глебушка», циклы «Крылатые слова» и «На воздушном корабле». Эти произведения подтверждают то, что «Соколов-Микитов был одним из первых писателей на заре воздухоплавания, введших в литературу “летный пейзаж”, давших художественное описание Земли с высоты птичьего полета, рассказавших

об испытаниях первых русских самолетов и необыкновенных ощущениях покорителей неба» [Смирнов, 24–25]. Важно уточнить, что писатель запечатлел *военный «летный пейзаж»*. В произведении «Глебушка», посвященном погибшему учителю-летчику Г. Алехновичу, он обрисовал, как «падают в пропасть двухпудовые груши», как вспыхивают «два белых клуба» (24) на месте железнодорожных мастерских, на которые упали бомбы. В миниатюре «Новый корабль» из цикла «На воздушном корабле» также говорится о снарядах, пашущих землю. Новые детали картины бомбардировки найдем в записи «Есть контакт» из цикла «Крылатые слова»: «шрапнельные разрывы» сравниваются с «белым пухом», повисшим «ниточкой» (36). «Окопы и зигзаговые ходы сообщений представляются с высоты, как узор на зеленом бархате» (24), – такое необычное сравнение использует повествователь, впечатленный видом, открывающимся внизу во время боевого полета (полет мог длиться до пяти часов).

После Февральской революции Соколов избрали солдатским депутатом и делегировали в Петроград. Началась новая страница его творческой биографии. А тяжелые события периода Первой мировой войны получили более глубокое осмысление в «малоформатной» прозе Соколов-Микитова 1915–1920 гг. В ней был показан тяжелый труд брата милосердия в военных условиях и уникальный опыт авиамоториста; актуализированы важнейшие проблемы тыла и положения деревни в военный период («Безлюдье», «Здесь и там», «Концов ищут»); затронуты темы русской ментальности («Здесь и там») и творческой реализации человека в годы лихолетья («Шепот цветов», «Поэт и серый кот»).

Основным художественным приемом, использованным во многих рассказах, является контраст. Антитеза («окопы – тыл», «свой – чужой», «жизнь – смерть» и др.) помогает подчеркнуть трагизм происходящего.

Большое внимание уделяет автор размышлениям о судьбе страны и народа в тяжелый период. Соколов-Микитов затрагивает и другие микротемы: поведение человека на фронте, дети и война, тяга человека к страданиям и др.

Заключая, хочется отметить, что в год 110-летия со дня начала Первой мировой войны особенно актуально обращение к литературному наследию, оставленному «военкорами» тех лет. В их рядах и Иван Сергеевич Соколов-Микитов: мужественный человек, гражданин, истинный художник слова, запечатлевший в своих произведениях бесценный опыт личного участия в войне.

Литература

1. Иванов А.И. Первая мировая война и русская литература 1914–1918 гг.: этические и эстетические аспекты: автореф. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 42 с.
2. Смирнов В.А. Иван Соколов-Микитов: Очерк жизни и писательства. М.: Сов. Россия, 1983. 144 с.
3. Соколов-Микитов И.С. Собр. соч.: В 4 т. Л.: Худож. литература, 1987. Т. 4. 446 с.
4. Чернышев В. И.С. Соколов-Микитов. Жизнь и творчество. М.: Худож. лит, 2016. 248 с.

O.A. Novikova
Smolensk State University
Smolensk, Russia

The First World War in the creative life of I.S. Sokolov-Mikitov

Keywords: *I. Sokolov-Mikitov, First World War, authorial perception, creativity, "trench truth," micro-themes.*

This article examines I.S. Sokolov-Mikitov's perception of the First World War (1914–1918) based on his artistic, memoir, and epistolary prose. The study identifies biographical facts that have been artistically embodied in the writer's works. A range of micro-themes has been defined: events through the eyes of a military orderly, the daily life of military aviation, children and war, issues of the home front, human behavior at the front, among others. According to the author of the article, Sokolov-Mikitov's writings resonate with the "trench truth," a term widely used in the literature about the Great Patriotic War of 1941–1945.

Э.Л. Котова
Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 821.161.1

«Пока буду держать перо в руках...»: к юбилею Николая Рыленкова (по материалам архива Литературного музея СмолГУ)

Ключевые слова: *Рыленков, Литературный музей, архивный документ, Македонов, переписка.*

Николай Иванович Рыленков, выдающийся русский поэт XX века, на протяжении многих лет играл ключевую роль в развитии литературной ситуации его родного Смоленского края. В статье представлен краткий обзор документов, хранящихся в архиве Литературного музея Смоленского государственного университета. Материалы, связанные с творческой судьбой поэта, рассредоточены по разным фондам. 23-й фонд полностью посвящен Николаю Рыленкову. В архиве хранятся книги поэта, рукописи произведений, их черновые наброски, а также личные фотографии, письма, вещи. О работе Рыленкова на посту организационного секретаря Смоленского отделения писателей можно узнать из «Материалов по организационно-творческой работе Смоленского отделения Союза писателей РСФСР. 23.09.1949–29.06.1960», составивших внушительный том. О Рыленкове как человеке позволяют больше узнать его письма к друзьям, в частности, к Адриану Владимировичу Македонову, вместе с которым они входили в литературу в конце 1920-х годов. В статье анализируется тематика этих писем. В них много говорится об отношении Рыленкова к современной литературе, а также к собственному творчеству. Со временем поэт нашел свое направление в лирике и принял решение от него не отступать, несмотря на недовольство некоторых советских критиков. Любовь читателей к произведениям Рыленкова с избытком компенсировала ту душевную боль, которую он испытывал, читая порой недоброжелательные отзывы литературных критиков.